

МОСКВА В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Поэзия М. Цветаевой отличается уникальностью, нестандартностью, яркостью ассоциирования и смыслопорождения. Поэт по-новому интерпретирует сущность окружающих нас явлений и реалий, устанавливает парадоксальные ассоциативные связи между ними, ведь в создаваемом им поэтическом мире нет места банальности и случайности. Поэзия М. Цветаевой гармонически сочетает традиционный поэтический язык с языком новых форм, реализуя тем самым потенциальные глубинные возможности русской языковой системы. Для поэта характерна эмоциональная напряженность и ассоциативная многоплановость в реализации коннотативных значений, которые присущи стихам о Москве.

Московская тема появляется уже в ранних произведениях Цветаевой как воплощение гармонии и рисуется прозрачными, светлыми акварельными красками. Город присутствует и в снах героини, и в ее мечтах. Это мы можем увидеть в стихотворении. «Домики старой Москвы», где появляется светлый образ родного любимого города. Поэт запечатлел уходящую эпоху, которая тихо утрачивает свои приметы. Происходит замена старого новым. Эпитеты «*вековые ворота*», «*деревянный забор*», «*потолки расписные*», «*домики с знаком породы*» — коннотируют признаки терпкого, чуть горьковатого запаха старины, родной и памятной, при этом не утратившей еще своей красоты и привлекательности. Характерен для этого стихотворения особый стиль, аллегорическое изображение московского говора: ладного, слегка напевного. Это передается не только оригинальным размером стихотворения, часто встречающимися диалектизмами, чисто московскими словами и выражениями: *мановенья жезла, клавесин, вековые ворота, домовладельцы* и т.д. М. Цветаева эмоционально и отчетливо передает отношение к Москве через звучание слова, тем самым, заставляя читателя не остаться равнодушным и почувствовать красоту и силу своего города. Для поэта Москва — часть ее души, огромный храм, который исцеляет любой душевный недуг. Свое неприятие нового облика Москвы Цветаева выражает противопоставлением милым домикам грузных шестиэтажных «*уродов*». Это грубое слово с оттенками отрицательной коннотации передает всю силу авторского чувства. Гибель старой Москвы для поэта — утрата связи с дорогим сердцу прошлым.

Кратковременная разлука с родным городом заставила М. Цветаеву взглянуть на него новыми глазами, как бы со стороны, что послужило импульсом для создания одного из самых известных циклов — «*Стихи о Москве*», в котором город является сердцем родины: — *Москва!* — *Какой огромный / Странноприимный дом! // Всяк на Руси — бездомный. // Мы все к тебе придем.*

Цикл «Стихи о Москве» создан в традициях русской православной культуры, и образ города воспринимается как символ национальной святыни. Перестав быть официальной столицей, Москва продолжает восприниматься лирической героиней как сердце родной земли, чему немало способствуют расположенные здесь православные храмы с куполами, напоминающие свечи, и иконы, ассоциирующиеся со светлыми, чистыми, прекрасными образами.

Москва Цветаевой дается через множество разнородных проявлений. Цветаевская Москва и в архитектуре, и в православии, и в особом московском укладе жизни, и в социальной стратификации (от царя до каторжных клейм). И над всем этим возвышается Москва библиографическая, «*моя Москва*», знакомая М. Цветаевой до мельчайших подробностей. Москва для Цветаевой — это прежде всего её храмы, соборы, церкви с их куполами и колоколами. Эти образы и составляют образ Москвы в данном цикле. Наиболее ярким среди них является образ «*сорока сороков церквей*»: «*И все сорок — чти — сороков церквей*» (1), «*По церковке — все сорок сороков*» (2), «*И целых сорок сороков церквей смеются над гордынею царей!*» (5), «*Всем счётом: сорок сороков*» (7). Не менее частотным является образ *колоколов, колокольного звона*: «*Мне же — вольный сон, колокольный звон*» (1), «*Червонные возблещут купола, бессонные взгремят колокола*» (2), «*Но выше вас, цари: колокола*» (5), «*Над синевую подмосковных рощ накрапывает колокольный дождь*» (6), «*Спорили сотни колоколов*» (9). Одним из важнейших для Цветаевой, знавшей историю своего города и мифологизирующей его в своей поэзии, является и образ *семи холмов*, на которых, по преданию, была заложена Москва: «*Исходи пешком — молодым шажком! — всё привольное семихолмие*» (1), «*Семь холмов — как семь колоколов, на семи колоколах — колокольни*» (7). Это не безликие церкви и колокольни, в пространстве Москвы, это история, развитие города с его «святыми» местами.

Уже первое стихотворение цикла задает динамичность, напевность и музыкальность произведению. В этом стихотворении тесно переплелась тема Москвы как неотъемлемой части души русского человека и завет дочери тоже любить этот город, а потом подарить его своей дочери: *В дивном граде сем, / В мирном граде сем, / Где и мертвой — мне / Будет радостно, — / Царевать тебе, горевать тебе, / Принимать венец, / О мой первенец!* Благодаря особому строению стихотворения, использованию фольклорных конструкций, повторов, архаизмов, а также обилию старославянских полногласий — *-оро-, -оло-, -ере-*, Москва примеряет на себя торжественный, фольклорный и народный наряды: *в дивном граде сем, сорок сороков, деревцо, молодым, черед, исходи и т.д.* Все это подчеркивает древнюю историю города, которая корнями уходит вглубь. Здесь связывается воедино и прошлое, и настоящее, и будущее Москвы. Подбор эпитетов и постоянное использование инверсии указывают на торжественность, эпичность описания Москвы, тем самым усиливая коннотативный смысл цикла: *зори ранние, ... нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат; древний,*

вдохновенный друг, червонные купола, багряные облака, дивные силы, благообразия прекрасный плат, червонный день, первый звон. Аналогично использование стилистически окрашенных глаголов: *возношу тебя, время лучшее ... Червонные возблещут купола, / Бессонные взгремят колокола... исполнен дивных сил... Настанет день — печальный, говорят! / Отцарствуют, отплачут, отгорят...* Глагол *настанет* получает смысловое коннотативное усиление за счет нанизывания глаголов с префиксом **от-**. Объединенные синонимическим рядом, глаголы **отцарствуют, отплачут, отгорят**, воспринимаются как скандирование основного значения, вводя в психологическое состояние небытия, связанного с ощущениями смерти как 'результат длительного действия'. Будущее совершенное, заключенное в префиксе, становится символическим выражением трагического конца.

В цикле Цветаева разрабатывает темы, являющие собой последовательные стадии жизни человека и города: **преемственности поколений**: *Будет твой черед: / Тоже — дочери / Передашь Москву / С нежной горечью (1); Из рук моих нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат, Прими, мой древний, вдохновенный друг (2), рождения / перерождения* (в данном случае мы имеем в виду «родиться» в значении «появиться на свет», «дать что-то новое», и «переродиться» в смысле «обновиться», «преобразиться», «стать иным»): *Царевать тебе, горевать тебе, / Принимать венец, / О мой первенец! (1); И встанешь ты, исполнен дивных сил (2); В колокольный я, во червонный день/ Иоанна родилась Богослова (7); смерти*: *Мне же вольный сон, колокольный звон, / Зори ранние — / На Ваганькове (1); Настанет день — печальный, говорят! (4) полностью посвящено этой теме, Поп, крепче позаткни мне рот/ Колокольной землей московскою (7); странничества, где присутствует коннотативное значение духовного поиска, начинающегося с самого сердца Москвы: *Потянется, растерянно крестясь, / Паломничество по дорожке черной, Поеду — я, и побредете — вы (4), Бредут слепцы калужскую дорогой, Перекрещусь, и тихо тронусь в путь (6), Провожай же меня весь московский сброд (7), Мы все к тебе придем (8).**

Один из важнейших образов цикла — образ дома проникнут коннотативным оттенком теплоты, душевности. Он как бы связывает воедино все остальные образы, стягивая их вокруг себя. Москва — огромный странноприимный дом, похожий на «дом-пряник», в котором родилась героиня. Мотив бездомности теснейшим образом связан с темой странничества и смерти: во втором стихотворении город дарится «странному брату», «чужеземному гостю» (эпитет «странный» семантически связан со «странником», что придает городу сказочность, старинность и необычность, звучат мотивы паломничества и жизнеутверждения). В шестом стихотворении героиня заглядывает в свое возможное будущее, где устав от друзей, врагов, «и от уступчивости речи русской» она отправляется в путь по калужской дороге, вслед за слепцами. В седьмом — лирическая героиня вспоминает дом, который она любила и с

которым пришлось расстаться, потому что она умерла, а ее провожает в путь «весь московский сброд». В восьмом стихотворении Москва, наконец, напрямую называется «огромным домом», который может вобрать в себя всех бездомных на Руси. Динамичная смена образов дает читателю возможность почувствовать все эмоционально-экспрессивные оттенки этого древнего святого города. Нельзя не согласиться с утверждением С.А. Губанова, «что в поэзии Марины Цветаевой два дома — дом земной и дом небесный», указывает, что «через данный концепт поэт определяет не только своё пространство, но и свой духовный мир, собственную сущность. Пространство дома расширяется у него до масштабов Москвы и страны» [1, с. 203].

Последнее стихотворение цикла подводит итог, соединяет все линии в единое целое, позволяет увидеть глубинный смысл. Лирическая героиня, говоря о своём рождении, воспринимает это событие как знак, символ: она неспроста родилась именно в Москве, именно в день Иоанна Богослова, именно тогда, когда поспела рябина. Всё это предопределило её судьбу и характер: она сама и её поэзия выросли на этой благодатной почве, впитали в себя и христианское мироощущение, и любовь к родному городу, родной земле, людям — близким и далёким, — и широту и страстность русской души, и готовность в один момент отказаться от всех благ и пойти на духовный подвиг. Такой видит Цветаева Москву, и такой является она сама. Лирическое «Я» Цветаевой является такой же неотъемлемой частью московского пространства, как и Москва является неотъемлемой частью героини. Контекст позволяет увидеть истоки возникновения образа рябины в поэзии Цветаевой: он связан с её родным домом, городом, днём рождения, то есть с тем пространственно-временным комплексом, который повлиял на её мировоззрение.

Этот цикл можно назвать величественной песней Москве с ее колоколами. В нем город предстает как соединение всех путей, сердце Родины. Более глубокий анализ позволяет интерпретировать цикл «Стихи о Москве» как произведение о состоянии отвергнутой любимым женщины, которая страдает и уязвлена. В основе эстетического восприятия текста параллельно проходят образы отвергнутой царем Петром Москвы и отвергнутой женщины, царя Петра и царя-властителя души и сердца лирической героини.

Несмотря на ощущение ненужности себя, своей жизни и стихов этому городу, переполнявших поэта, тем не менее всем своим творчеством, в том числе — прекрасными стихами, посвященными Москве, Цветаева навсегда вошла в историю этого города — своей «рожденной Москвы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанов, С.А. Эпитет в творчестве М.И. Цветаевой: семантический и структурный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2009.